Александр Никулин

От одомашниваний в неолите к оседлости в империях: концепция истории борьбы между государством и безгосударственными людьми (варварами) Дж. С. Скотта

Эта статья посвящена вопросам взаимодействия общества и государства, поставленным Дж. С. Скоттом в его последних книгах и лекциях. Как процессы одомашнивания в неолите привели к возникновению первых государств? Какова сущность самих государств, связанных с перманентными проектами оседлости населения? Какова так называемая история взаимодействия государства и цивилизации с анархией и варварством? — ответы и гипотезы Дж. С. Скотта подвергаются в данной статье критическому изложению и анализу.

Ключевые слова: неолит, государство, одомашнивание, цивилизация, варварство

Историю крестьянства сочиняли горожане,
Историю кочевников — оседлые люди,
Историю охотников-собирателей — крестьяне,
Историю бесправных людей — юристы, —
читай про это в «Истории варваров».

Дж. С. Скотт

В Китайской и Римской империях варварство
начиналось там, где заканчивалось государство.

Дж. С. Скотт

В данной статье рассматриваются новейшие направления исследований истории взаимодействия общества и государства известного американского политолога и антрополога Дж. С. Скотта, представленные в его последней монографии «Искусство неуправ-

Александр Михайлович Никулин — социолог, кандидат экономических наук, директор Центра аграрных исследований РАНХиГС; научные интересы: историческая и аграрная социология, экономическая история.

ляемой жизни: анархистская история высокогорий Юго-Восточной Азии» (2009)[1], а также в его цикле публичных лекций «Четыре приручения в истории человечества: огня, растений, животных и... нас» (2011), прочитанных Скоттом в рамках проекта «The Tanner Lectures», серии образовательных и научных презентаций и дискуссий, проводящихся на базе девяти ведущих университетов США. Текст этих лекций был любезно предоставлен Дж. Скоттом автору этой статьи.

Один из фундаментальных вопросов исторической и политической антропологии Скотта сводится к следующему: почему задачей всех классических и современных, колониальных и независимых, популистских и авторитарных, коммунистических и неолиберальных государств являлось закрепление сельских и городских жителей на определенных территориях? По мнению Скотта, оседлость — это древнейший государственнический проект, укорененный в самой конструкции государства.

В поисках ответа на парадоксы государственных проектов оседлости, Скотт в последние годы от изучения традиционных аграрных обществ, находящихся под контролем государства[2], обратился к изучению обществ вне-государственных (территория Зомия в современной Юго-Восточной Азии, а также варварские поселения вне границ государств и империй прошлых времен)[3] и до-государственных (жизнь человеческих сообществ в эпоху неолита). Это стремление Скотта понять исторические корни конфликта и взаимодействия между обществом и государством по поводу пресловутой оседлости привело его, с одной стороны, к систематической критике государственной точки зрения, до сих пор господствующей в академической среде и касающейся до- и вне-государственного (то есть без-государственного) существования людей, которое чаще всего оценивалось как состояние примитивное, дикое, варварское. С другой стороны, Скотт во многом обобщил и реконструировал особенности существования безгосударственных сообществ разных времен и территорий. Главный вывод из текущих исследований Скотта сводится к отрицанию эволюционистского видения человеческой истории как концентрированного движения от варварства к цивилизации под эгидой неуклонно усиливающейся роли

1 Scott J. C. The Art of Not Being Governed: An Anarchist History of Upland Southeast Asia. New Haven & London: Yale University Press, 2009.

2 Скотт Дж. Благими намерениями государства. М.: Университетская книга, 2005; Scott J. C. Domination and the art of resistance: hidden transcripts. New Haven: Yale University Press, 1993; Scott J. C. Weapons of the week: everyday forms of peasant resistance. New Haven: Yale University Press, 1984.

3 Scott J. C. The Art of Not Being Governed: An Anarchist History of Upland Southeast Asia. New Haven & London: Yale University Press, 2009.

государств. От неолитических революций до империалистических катастроф Скотт прослеживает разнообразные альтернативы развития безгосударственных форм жизни, их способы взаимодействий с различными государственными образованиями.

Прорастание зерен протогосударственности на почве одомашнивания безгосударственности неолита

Как и почему в расщелинах позднего неолита стали произрастать семена первой государственности; почему люди как вид, всю свою историю на планете Земля проживший в основном в состоянии охотников и собирателей, в конце концов, собрались в большие организованные группы, в основном выращивающие зерно и домашний скот под контролем так называемых государств?

Для ответа на этот вопрос Скотт стремится исследовать предпосылки самой идеи концентрации людей в огромном количестве, в одном месте без угрозы перманентного голода. Он полагает, что три великих «приручения» — огня, растений, животных — стали древним фундаментом современной государственно-городской концентрации населения. Причем, в ходе такого приручения природы человечество обратным образом приручило себя трансформируемой природе при растущем контроле государства.

Скотт начинает свой анализ с самого древнего приручения — приручения огня. Овладевая и управляя им, первобытные люди (и до сих пор охотники и собиратели, ведущие подсечно-огневое сельское хозяйство) использовали огонь для изменения окружающей среды по своему усмотрению: на выжженных территориях распространяя одни и уничтожая другие виды флоры и фауны. Когда лет сто назад огонь окончательно был объявлен врагом государств, на земном шаре возможно уже не осталось ни одной пяди земли, не подвергшейся воздействию антропогенных пожаров. Именно огонь был первым плугом и упряжью, повлекшим за собой развитие земледелия и животноводства в современном значении этого слова.

Огонь — это главное оружие человечества как биологического вида, наиболее успешного «агрессора» в мире природы. Люди адаптировали свои привычки, питание, тело к особенностям огня, стали неразрывно связаны с ним, с его способностью в свою очередь заботиться и кормить человечество. Подобно домашним растениям или животным, неспособным выжить без заботы, человек не может жить без огня.

Второе одомашнивание связано с миром растений. Много или мало люди одомашнили окружающей их флоры? Скотт отмечает, что есть археологические свидетельства многочисленных и про-

тиворечивых экспериментов с одомашниванием растений, характерных для эпохи неолита. Он предлагает не забывать, что те 12–15 сельскохозяйственных культур, на которых держится современная всемирная продуктовая торговля, были одомашнены именно нашими мудрыми неолитическими предками. После этого ничего принципиально нового в так называемый исторический период человечества в одомашнивании растений добавлено не было. Более того современное человечество сузило свой рацион питания вообще до трех основных культур — риса, пшеницы и кукурузы.

На этом месте истории доместикации Скотт задается чрезвычайно важным вопросом: почему охотники и собиратели, щедро одаренные природой, получив в свое распоряжение огонь и благодаря ему существенно облегчив себе жизнь, вдруг добровольно решили вести именно земледельческое хозяйство, требующее тяжелого и систематического труда? Ведь еще знаменитый антрополог Маршалл Салинс неоднократно и доказательно подчеркивал, что общество охотников и собирателей было обществом естественного изобилия. Охотники-собиратели проводили меньше половины своего времени за так называемой «работой», большую часть времени суток они отдыхали, занимаясь тем, что антропологи называют культурным творчеством.

Скотт признает, что отчасти ответ на этот вопрос был дан в работах знаменитого датского экономиста Эстер Босеруп[1]. Она поясняет, что со временем численность населения земли возрастала, требуя извлечения из окружающей среды большего количества ресурсов через соответствующий переход от экстенсивных охоты и собирательства к интенсивным земледелию и скотоводству. Впрочем, повсеместно этот переход был затяжным и прерывистым. Например, первые зерновые культуры были одомашнены около 10 тысяч лет назад, но в большинстве регионов человечеству потребовалось еще несколько тысячелетий для организации систематического высаживания зерновых в обработанную почву.

Скотт обращает особое внимание на то, что, увидев «волшебство земледелия», охотники и собиратели вовсе не сразу отринули свои прежние привычки и бросились заниматься сельским хозяйством. Первые протокрестьяне хотя и приступили к высаживанию некоторых одомашненных культур, но также полагались в значительной степени на сбор ягод и плодов в лесах, сбор моллюсков, рыбную ловлю и охоту. Это был сбалансированный подход, позволявший грамотно распределять риски и не зависеть от моно-источника пищи, сохранять гарантии собственной продовольственной безопасности.

1 Boserup E. The Conditions of Agricultural Growth: The Economics of Agrarian Change under Population Pressure. Chicago: Aldine, L.: Allen & Unwin, 1965.

Первые земледельцы стремились избегать интенсификации земледелия, до тех пор, пока к интенсификации их не вынудило сокращение ресурсов окружающей среды. Вынужденные заниматься земледелием, они сначала использовали те его формы, которые гарантировали максимальные урожаи при минимальных трудовых затратах. В зависимости от внешних обстоятельств люди меняли приоритетные формы сельского хозяйства, переходя, например, от подсечно-огневого к приливно-отливному земледелию и обратно. Но даже само по себе первое земледелие было несравненно разнообразней современного; его площади походили на ботанический сад растений, то есть были значительно сложнее и разнообразнее современных полей, переполненных стандартными гибридами и клонами. В то время урожай выращивался ради множества целей, а не только для максимизации сбора зерновых с гектара. Тогда крестьяне отбирали самые разнообразные растения по их внутривидовым характеристикам, поэтому поля были засеяны различными сортами растений. Одни из них были устойчивы к засухе, другие к избытку влаги, третьи хорошо произрастали на местных почвах, отпугивали птиц или обладали повышенной устойчивостью к грибковым и вирусным заболеваниям и морозу. Конечно, многие такие виды имели низкую или среднюю урожайность, но сохранялись в «портфеле» земледельцев, потому что давали урожай даже при самых неблагоприятных условиях, спасая их от голода.

Постепенно, проявляя заботу строго в отношении тех видов, которые удовлетворяют наши потребности, мы создаем домашние растения, которые уже никогда не выживут в естественной среде. При этом, как и в случае с огнем, люди мнят себя агентами изменений, хозяевами мира, полагая, «прирученными» такие виды, как картофель, кукурузу, рис или бананы. Но все зависит от угла зрения. Так, человек изо дня в день, стоя на коленях, пропалывает, удобряет, защищает свои томаты, меняя окружающую природную среду во имя неких помидорных утопий. Определить, кто кого приручил в этой ситуации, иронизирует Скотт, — это почти метафизическая проблема. Одомашнивание растений как становление сельского хозяйства ввергло человечество в сложное переплетение круглогодичного набора ежедневных забот, которые определили организацию всей его трудовой жизни, особенности поселений, социальную структуру, специфику ритуалов. В этом, по мнению Скотта, сконцентрировалась вся суть процесса «становления человеческой цивилизации». Одомашненные растения связали людей своей своеобразной хореографией, определив физическое строение людских тел, домов, требуя постоянного и определенного взаимодействия и сотрудничества. Совершив судьбоносный шаг в сторону сельского хозяйства, Homo Sapiens оказался в строгом монастыре практик по-

стоянного «подзавода» генетического механизма растений. Как отмечает Скотт, Норберт Элиас убедительно проанализировал сжимание оков взаимной зависимости по мере роста населения, которые и определяют правила совместной жизни в контексте «цивилизационного процесса»[1]. Но за несколько тысячелетий до трансформаций, которые проанализировал Элиас, человека уже подчинил и полностью стал контролировать метроном жизни собственноручно одомашненных им культур. Переходя к рассмотрению третьего вида одомашнивания — скотоводству, Скотт постулирует свое принципиальное несогласие с доминирующему в науке с эволюционистским (по сути социал-дарвинистской) подходом разделению истории на: 1) охоту и собирательство; 2) кочевой образ жизни; 3) подсечно-огневое земледелие; 4) оседлое сельское хозяйство; 5) города. В целом несогласный с этой историко-аналитической цепочкой, Скотт особым пунктом критики избирает значение в истории человечества одомашнивания животных и кочевого образа жизни. Ссылаясь на современные археологические и антропологические исследования, он суммирует современную историю одомашнивания животных в следующих тезисах. Овцы, козы и свиньи были одомашнены примерно 8 тысяч лет назад. Крупный рогатый скот и лошади были одомашнены значительны позже. Все пять видов животных, подобно изначальным сорнякам, таким, как морковь, подсолнечник, рожь, овес и горох, на протяжении долгого времени часто возвращались в дикое состояние, размножаясь среди своих неодомашненных родственников. Археологические останки стадных животных (крупного рогатого скота, овец и коз) практически всегда содержат зерновые, следовательно, животные были одомашнены позже растений. Скотт здесь ссылается также на влиятельные исследования О. Латтимора[2], в соответствии с которыми кочевое скотоводство — это этап одомашнивания, предпринятого отказавшимися от земледелия крестьянами под влиянием ряда природных и политических причин. Одна из постоянных эмоциональных тем в социальной аналитике Скотта — тема покорности в обществе, которая в его рассуждениях об одомашнивании приобрела особое значение в отношении такого животного, как овца. Давний заводчик овец, Скотт болезненно переживает, когда слово «овца» используется как синоним трусливого поведения толпы или отсутствия характера. Если сами люди последние 8 тысяч лет старательно отбирали для размножения самых покладистых овец, вырезая, в первую очередь,

1 Элиас Н. О процессе цивилизации. Т. 1–2. М., СПб.: Университетская книга, 2001.

2 Lattimore O. Studies in Frontier History. London, New York: Oxford University Press: Mouton, 1962.

агрессивных особей, вырывающихся из загонов, как же они теперь смеют насмехаться над этим видом животных, обладающих теми характеристиками, которые человек в них старательно развивал все это время! И здесь Скотт снова не забывает подметить, что мы подпали под влияние домашних животных, подобно вышеупомянутому влиянию растений. Люди мастерят загоны, кормушки, стойла, заготавливают корм; заботятся о защите детенышей; доят, стригут, лечат. Так, приручив животных, люди в каком-то смысле стали их слугами: и те, и другие зависят друг от друга. Животноводство, как и земледелие, имеет свой сложный календарь, определяющий ритм социальной жизни.

Обозначив триаду цивилизационных одомашниваний — огня, растений и животных как базисных условий концентрации ресурсов, сделавших возможным распространение оседлого образа жизни как такового, Скотт, наконец, переходит к критическому анализу возникновения и развития государства, его стремления подчинить себе (огосударствить) иные безгосударственные способы существования. Ибо, по Скотту, экспансия оседлости (своеобразного тотально казенного одомашнивания) — это и есть самый древний и до сих пор самый главный проект государства.

Аграрно-имперские амбиции и варварско-анархические традиции: симбиоз соперничества и сотрудничества

Скотт подчеркивает, что на протяжении всей своей истории человечество было загипнотизировано идеей прогресса и цивилизации, якобы начавшихся с первых аграрных царств. В каждом из таких царств достоинства земледелия обосновывалось через сложные мифологические процедуры, в ходе которых могущественные боги даровали священное зерно оседлости своему избранному народу, до того пребывавшему в бездомно кочующем состоянии. Этот нарратив впоследствии будет неуклонно расширяться и углубляться в исторических науках. Такие разные мыслители, как Джамбаттиста Вико, Освальд Шпенглер, социал-дарвинисты — все они будут представлять историческую эволюцию как прогрессивный переход от охоты-собирательства к кочевому образу жизни, а затем к оседлому земледелию, ведущему к расширению свободного времени, улучшению питания, увеличению продолжительности жизни, развитию искусств, и, в конце концов, расцвету самой цивилизации.

Скотт стремится провести комплексную демистификацию данного нарратива, вдолбленного всем учащимся цивилизованных государств уже на этапе средней школы.

Во-первых, опираясь на данные исторической антропологии, Скотт утверждает, что большинство сообществ собирателей и охотников не балансировало на грани вымирания от голода, но наоборот, отличалось прекрасным здоровьем, чему есть свидетельства европейцев после первых встреч и общения с индейцами Нового Света. Эти охотники-собиратели плели сети, ловушки и корзины, ставили запруды, строили лодки, плоты и мосты, занимались пчеловодством. Знания и умения и современных охотников-собирателей не перестают поражать профессиональных ботаников. Собиратели, проживавшие в богатых природных ареалах, например, на северо-западном тихоокеанском побережье с его изобилием лосося или угря создали развитую материальную культуру, знаменитую роскошью церемоний потлача. По мнению современных ученых, до становления современного сельского хозяйства северо-западное побережье Тихого океана не имело себе равных по плотности населения, развитию торговли, демонстративному потреблению и богатству. Кроме того, как показывают находки археологов, у сообществ охотников и собирателей был очень высокий уровень специализации.

Жизнь человека до развития земледелия была отнюдь не нищей и короткой, поэтому совершенно непонятно, почему вдруг различные собиратели решили превратиться в моноаграриев. Но этот факт крайне неудобен, если не сказать больше, для нарратива «аграрно-цивилизационного восхождения человека». Между прочим, отмечает Скотт, именно интенсивное земледелие порой оборачивается вредом для здоровья. Так, останки охотников-собирателей не содержат свидетельств хронических и серьезных заболеваний, зависящих от режима питания, и наоборот — в останках ранних земледельцев обнаруживаются наличия заболеваний, обусловленных растительным питанием. В целом оказывается, что рост земледельцев постепенно снижается по мере их отступления от охоты и собирательства. Впрочем, подчеркивает Скотт, не само по себе развитие земледелия предопределило рост недоедания и заболеваний, но именно интенсификация земледелия. Когда на исходе позднего неолита в разных регионах земли стали углубляться процессы интенсификации сельского хозяйства, связанного со все большей концентрацией людей, растений и животных, возникают первые масштабные эпидемии, во многом предопределившие дальнейшие пути развития человечества. Люди и животные сосуществовали вместе с клещами, блохами и клопами, а домашние растения — с различными видами плесени и вредителями. В этом, по замечанию Скотта, своеобразном «Ноевом ковчеге», проявили себя такие заболевания, как чума, оспа, грипп, тропическая малярия, корь, коклюш, холера, эпидемический паротит, желтая

лихорадка, туберкулез, сибирская язва, тиф, проказа, бруцеллез, энцефалит, бешенство и столбняк. Как мрачно шутит Скотт, если по-шамански попробовать пропеть лишь названия всех неолитических зоонозных болезней, то на это мог бы уйти целый вечер. В результате многие из этих болезней убили целые народы и царства. Конечно, после первой и последующих волн эпидемий, выжившие получали иммунитет к возбудителям соответствующих заболеваний, который иногда передавался следующим поколениям. Постепенно болезни становились эндемическими, менее опасными, но изначально в плавильном котле позднего неолита болели все. В итоге данные археологических изысканий свидетельствуют, что интенсивное земледелие и оседлый образ жизни повлекли за собой массовое распространение недоедания, болезней и рост уровня смертности.

Вот именно в это время, по мнению Скотта, только нарождающееся государство стало главным патроном зернового земледелия, и произошло это по нескольким причинам: зерновые растут высоко над землей; их колосья созревают почти одновременно; размер такого урожая легко оценить; экономически оправданно перевозить его на значительные расстояния; зерновые легко и долго хранятся. И хотя исключительно зерновая диета вредна для здоровья, именно данные сельскохозяйственные культуры остаются базой экономики человечества по сию пору.

Итак, первые царства возникали в особых географических нишах, максимально благоприятствующих концентрации населения и интенсивному развитию монозернового земледелия. При этом каждое государство стремилось, насколько это было возможно, оптимизировать и контролировать свою агроэкологию. Хотя войны между древними государствами обычно велись не столько ради приобретения новых территорий, сколько с целью порабощения захваченного населения. В своей монографии Скотт приводит характерный ответ короля густонаселенной Голконды посольству обширного, но малонаселенного Сиама, который великолепно отражает значение господства над людьми, а потом уж над территориями в древних государствах: «Я допускаю, что сиамские земли могут быть обширней моих, но и вы должны согласиться, что король Голконды господствует над людьми, в то время как король Сиама господствует лишь над лесами и комарами»[1].

Скотт полагает, что ключевая демографическая тенденция ранней современности в Юго-Восточной Азии сходна с древнеримской — это принудительное перемещение захваченных в ходе войн

1 Scott J. C. The Art of Not Being Governed: An Anarchist History of Upland Southeast Asia. New Haven & London: Yale University Press, 2009.

или купленных у горных рабовладельцев и пиратов на периферии государств пленников (из племен охотников-собирателей и рыбаков) в центральные районы. Именно такое перемещение населения из периферийных регионов в центры поливного рисоводства стало основой местной государственной власти. Скотт приводит еще много примеров развитой работорговли задолго до последней и самой известной североатлантической кампании по доставке рабов на плантации Нового Света. В этих процессах, полагает Скотт, можно найти одно из возможных объяснений того факта, что при росте смертности вследствие недоедания и эпидемий численность населения древних государств все же продолжала расти.

Другая проблема, с которой столкнулись первые государства — удержание населения в своих границах. Многочисленные законы Китайской и Российской империи были призваны предотвратить отток населения. Экспансия зернового земледелия, к примеру, в северной части центрального Китая вдоль побережий Хуанхэ, непоправимо меняла природный ландшафт, все дальше и дальше отодвигая иные возможности добычи пропитания. Теперь в случае кризиса рассчитывать на собирательство в лесах и степях было невозможно, ведь лесостепные зоны находились слишком далеко от столиц государств, вокруг которых и концентрировались подданные, занимающиеся исключительно интенсивным земледелием. Пустынное окружение долины Нила, по мнению Скотта, выполняло ту же функцию в государственной экономике Древнего Египта.

В этой связи и знаменитая история огораживаний, столь подробно описанная Марксом в «Капитале», является хроникой уничтожения хозяйств, не приносящих дохода, и являющихся с точки зрения частнособственнического государства лишь нестабильными источниками продовольствия. Скотт постулирует: открытые границы представляют угрозу всем формам несвободного труда, о чем свидетельствует финал гражданской войны в США. После освобождения большинство чернокожих рабов направилось в горы и незаселенные районы. Бывшие рабы смогли вести здесь независимую жизнь благодаря собирательству, охоте, огородам, выращивая скот и птицу, иногда нанимаясь в поденщики. Все это означало разорение плантационного Юга.

Скотт утверждает, что уничтожение альтернативных и смешанных форм выживания представляет собой важнейшую составляющую политики любого государства по защите и расширению своего зернового хозяйства. Государства всегда возникали только если могли организовать на определенной территории интенсивное производство калькулируемых объемов долго хранящихся зерновых (империя инков — единственное исключение). Именно поэтому

история не знает маниоковых, бататовых или банановых империй (одни лишь банановые республики недавнего прошлого).

Тем не менее, подчеркивает автор, подавляющий период человеческой истории приходится на время свободного выбора форм выживания и уклонения от государства: 10 тысяч лет назад, в самом начале неолита, возникло земледелие, примерно 5 тысяч лет назад — первые государства. На протяжении шести тысяч лет человечество более или менее свободно определяло способ своего существования и образ жизни, обходясь без всякого государства. Последним пришлось пережить долгую историю от момента своего возникновения до завоевания господствующего положения в истории. И в течение примерно 3000 лет, несмотря на неуклонную экспансию государств, значительная часть населения земли всегда имела хорошие возможности вырваться из казенных лап, если считала это необходимым. Это последнее утверждение принципиально важно для Скотта. Он не устает напоминать об опасности общественной загипнотизированности археологическими доказательствами величия империй.

До недавнего времени в научных и популярных сочинениях по истории доминировала идея тотального господства империй (в Египте, Вавилоне, Китае, Риме), обусловленная тем, что эти государства оставили после себя множество археологических следов. Скотт видит в подобном утверждении определенную иронию и обращает внимание на то, что, чем более задокументирован бюрократический шлейф (земельные дарственные, мемуары, реестры налогов, регистрационные книги барщины, судебные протоколы), тем вернее шанс запечатлеться в анналах истории.

Зачарованность перманентной историей дворцов и династий порождает, по крайней мере, два заблуждения. Во-первых, мы получаем ущербную версию истории, которая фокусируется на лучезарных моментах «государственной стабильности» и скрывает темные периоды упадка династий и их государственности. В этой связи, полагает Скотт, очарование образом Римской империи оказалось более живучим, чем сама империя.

Население, выбирающееся из-под обломков очередных распавшихся империй, как правило, оказывается сметливым и гибким в выборе стратегий собственного выживания. Скотт критикует убеждение империалистов-колонизаторов, состоящее в том, что лесные жители — это потомки древних аборигенов, отставшие от своих более продвинутых аграрных собратьев. Ведь лесные собиратели так часто в прошлом оказывались земледельцами, бежавшими от войн, эпидемий или налогов. Как отмечал Шумит Гуха: «...пастухи брались обрабатывать землю или облагали налогами крестьян; земледельцы превращались в пастухов; подсечно-огневые земледель-

цы брались за плуг, а хлебопашцы бежали в леса....По всей Индии климатические изменения, наряду с войнами и переворотами, периодически приводили к краху аграрного производства, и тогда оседлое земледелие уступало свои позиции лесам и саваннам, куда устремлялись люди, меняя источники пропитания с тем, чтобы выжить»[1].

Катастрофические по своим масштабам и последствиям эпидемии из-за контактов с европейцами уничтожили примерно 90% коренных жителей Нового Света. Этот демографический коллапс, который случился на прежде плотно заселенном континенте (только на одной центральной мексиканской равнине проживало 25–35 млн. человек), обусловил радикальную смену стратегий выживания местных жителей. Выжившие оседлые земледельцы перешли к подсечно-огневым методам, а также к охоте и собирательству. Все прежние государства были разрушены. Демографическая катастрофа не привела к полному экономическому упадку — его довершили принудительный труд и болезни в испанских и португальских колониях, а также стремление избежать порабощения: для местных жителей рассеяние в лесах и степях стало не просто желательным, а единственно возможным свободным образом жизни. Пьер Кластр, вдохновивший Скотта на его нынешние изыскания, первым высказал идею, что так называемые примитивные индейские сообщества Южной Америки — это не потомки племен каменного века, которые оказались не способны изобрести земледелие и создать государства[2]. Наоборот, что впоследствии подтвердилось, до Конкисты они были оседлыми земледельцами, но после европейской колонизации были вынуждены *отказаться* от сельского хозяйства и жизни в деревнях. Их перемещения и образ жизни были подчинены одной цели — *избежать контроля государства*; социальная структура и эгалитарные ценности индейских сообществ были призваны не допустить формирования каких-либо государственных структур, и они «стали варварами по умыслу».

Именно об этом Скотт написал свою последнюю монографию «The Art of Not Being Governed», где со свойственным ему антропологическим подходом проанализировал огромную коллекцию эмпирических свидетельств искусства избегания государства по всему миру, и в особенности в великих нагорьях Юго-Восточной Азии, так называемой великой безгосударственной территории Зомия. Нельзя не удержаться, от того, чтобы привести из этой книги пару характерных примеров.

1 Guha S. Environment and Ethnicity in India, 1200–1991. Cambridge: Cambridge University Press, 1999.

2 Clastres P. Society against the State. New York: Zone Books, 1987.

Скотт также приводит антропологическое свидетельство К. Изиковича, занимавшегося изучением эгалитаризма племени ламет на территории Зомия: «Ламет просто может не понять концепт «начальник»[1].

Что касается истории самой Европы после гибели Римской империи, то, по мнению Скотта, почти тысячу лет европейцы-аграрии, исходя из демографических и политических обстоятельств старались избегать своих хрупких государств, также маневрируя между собирательством, подсечно-огневым и оседлым земледелием. В это же время в Китае оседлые крестьяне-налогоплательщики часто стремились перейти к кочевому скотоводству на рубежах страны. Поэтому Скотт считает, что прав был Латтимор, утверждая, что Великая Китайская Стена была создана не только для сдерживания варваров, но также для удержания налогоплательщиков в имперских границах.

Развивая тему перманентной хрупкости первых государств, Скотт подчеркивает, что на протяжении тысячелетий государство было не константой, а переменной в социальной жизни, и притом весьма неустойчивой. Консолидация первых царств, которую так расписывают школьные учебники истории, была скорее исключением, чем правилом. Причины, почему первые государства были настолько слабы по своей природе и склонны к преждевременной гибели, весьма характерны.

Во-первых, статус первых царств как пунктов концентрации власти всегда находился под угрозой распада в результате оспаривания права наследования соперничающими претендентами на трон, часто приводящего к гражданским войнам с обязательным оттоком населения из административных центров.

Во-вторых, даже если первые государства не уничтожали себя через войны или эко-суицид, то собственных жителей они вырезали быстрее, чем привлекали к себе новых сограждан.

И, наконец, в-третьих, неустойчивость первых государств была обусловлена тем, что они возникали в окружении безначальных людей, так называемых дикарей и варваров. Скотт здесь имеет в виду не столько ослепительные и гигантские варварские царства-метеоры гуннов, маньчжуров, монголов, османов, которые сами и завоевывали, и создавали государства, сколько проблему перманентных набегов на первые государства окружавших их кочевых племен. Эти набеги для кочевников являли собой своеобразную форму охоты и собирательства. Отсюда и ироническая пословица берберов: «набеги — это наше сельское хозяйство».

---

1 Izikowitz K. G. Lamet: Hill Peasants in Indochina. Gothenburg: Ethnografiska, 1951.

Конечно, для кочевников злоупотребление набегами («собирательством») грозило уничтожить курицу, несущую золотые яйца. Крестьяне, уставшие от постоянных грабежей, могли забросить свое поселение, занявшись собирательством, подсечно-огневым земледелием, разбоем и, в конце концов, перебраться в более безопасную местность. Поэтому в своих же интересах кочевые разбойники предпочитали устанавливать систему «поборов» — обложения данью. Оседлые земледельцы, чтобы не подвергаться грабежам разбойников, соглашались выплачивать дань в натуральной форме. Это явилось причиной того, что, как свидетельствуют источники, значительная часть доходов не попадала, например, в казну китайской империи династии Тан и в казну Римской империи времени ее упадка.

Неудивительно, что слово «варвары», а также куча синонимов («дикари», «нецивилизованные», «из леса вышедшие», «с гор спустившиеся», «язычники»), было придумано в административных центрах империй, чтобы обозначать и стигматизировать тех, кто «еще до сих пор» не стал гражданами государства. В этой связи Скотт предлагает использовать не вполне элегантный термин «безгосударственные люди» вместо «варваров». Именно они стояли и до сих пор стоят на пути тех государственных идеологов-администраторов, которые утверждали и порой до сих пор утверждают, что концентрация и оседлость населения — единственно правильный путь истории, и иного не дано.

Собирательство, прежде считавшееся формой бартерной экономики, обрело после возникновения политэкономий государств принципиально новый характер, трансформировавшись, говоря языком современных бизнес-школ, в предпринимательство и спекуляцию. Когда к концу первого тысячелетия нашей эры развилась международная морская торговля, собирательство стало органической частью мировой коммерции.

Сосуществование варваров с государствами в этот период можно назвать «золотой эпохой» их взаимодействия. Территориально диверсифицированные собиратели и подсечно-огневые земледельцы менее болезненно переживали исчезновение одного из источников продовольствия. Выгодная торговля собранными дарами природы предоставляла им больше свободного времени, увеличив и без того значительный разрыв в соотношении рабочего и свободного времени между собирателями и крестьянами. Конечно, сильные и мобильные безгосударственные люди никогда не переставали промышлять грабежами, получением выкупов и сбором дани. При этом подсечно-огневые земледельцы, собиратели и большинство кочевых скотоводов не были приручены государством, и не подчинялись иерархическому социальному порядку оседлости.

Впрочем, Скотт не стремится идеализировать жизнь безгосударственных людей в духе Руссо и Байрона. Наоборот, он указывает, что именно в золотую пору варварства широко наблюдаются его две зловещие характеристики, обусловленные политической фрагментацией безгосударственных сообществ.

Значительную часть варварского экспорта в торговле с государствами, составляли рабы, такие же безгосударственные люди. Эта варварская заготовка рабов была настолько широко распространена, например, в материковой части Юго-Восточной Азии, что можно говорить об устойчивой тенденции набегов более выгодно расположенных и сильных безгосударственных племен на своих слабых и рассеянных соседей. Таким образом, сильные варвары способствовали укреплению государств за счет своих более слабых собратьев.

Вторая печальная особенность образа жизни, например, горных народов, вовлеченных в международный обмен с государствами — торговля своей воинской доблестью в армиях государственных наемников. Скотт напоминает, что нельзя найти в истории хотя бы одно раннее государство, не нанимавшее варваров в свою армию (порой целыми племенами) для охоты на рабов и подавления восстаний недовольных граждан. Таким образом, варварские армии способствовали не только разорению государств, но также и их укреплению.

В итоге Скотт приходит к своему основному выводу: так называемые государственные и безгосударственные народы, земледельцы и собиратели, «цивилизованные люди» и «варвары» — не старшие и младшие, но теневые близнецы-братья, возникшие благодаря симбиотическому взаимодействию различных природных и социальных сред своего обитания: равнин и гор, лесов и степей, пустынь и вод. Развивая идеи Оуэна Латтимора и Пьера Кластра Скотт утверждает, что как границы между цивилизацией и варварством, так и сами варварские племена сформировались в значительной степени под воздействием развития великих древних государств. Само возникновение и развитие аграрных цивилизаций поделило людей на тех, кто прикреплялся к земле, и тех, кто предпочитал, держась на периферии империй, экспериментировать с разнообразными видами социальных занятий и практик, создавая формы собственной политической сплоченности.

Изначальные болезни цивилизации были причиной того, что набеги варваров на рубежи государств возникали не из мрачных и кровожадных пространств, а являлись именно порождением цивилизации. Так называемая «грубость» варваров исходила от людей, которые превращались в варваров при взаимодействии с «утонченными» цивилизациями. Именно в этой связи Скотт ссылался

на знаменитое стихотворение «В ожидании варваров» Кавафиса, отражающее в гениальной поэтической форме идею экзистенциальной необходимости для прояснения сущности явления варваров:

— Отчего народ в перепуге?
— Идут варвары, скоро будут здесь.
— Отчего сенаторы не у дела?
— Идут варвары, их и будет власть.
— Отчего император застыл на троне?
— Идут варвары, он воздаст им честь.
— Отчего вся знать в золоте и каменьях?
— Идут варвары, они любят блеск.
— Отчего ораторы онемели?
— Идут варвары, они не любят слов.
— Отчего не работают водопроводы?
— Идут варвары, спрашивайте их.
— Отчего все кричат и разбегаются?
Весть с границы: варвары не пришли,
Варваров вовсе и не было.
Что теперь будет?
С варварами была бы хоть какая-то ясность[1].

С варварами или без варваров, но ясности во взаимоотношениях всемирной истории общества и государства по-прежнему нет. Дж. С. Скотт в своих новейших штудиях, на наш взгляд, предложил оригинальную междисциплинарную концепцию истории взаимодействия цивилизационного этатизма и варварского анархизма, но все же соответствующую развернутую аналитическую историю пока не создал. В том виде, какая она есть, концепция Скотта достаточно уязвима для критики со стороны целого комплекса социальных наук. Политэкономы могут обвинить Скотта в недооценке значения разделения труда и развития рынка во всемирной истории. Антропологи выскажут опасения относительно слишком размашистых обобщений, сделанных американским профессором для интерпретации жизни народов и их культур от неолита до неоимпериализма. Социальные философы наверняка упрекнут Скотта в географическом детерминизме. Легко вообразить многочисленные стрелы критических замечаний в его сторону из стана социологов, политологов, и, конечно, собственно историков. Но, впрочем, сам Скотт смиренно и легко соглашается, что на данный момент многие из его утверждений достаточно гипотетичны, а порой но-

1 Кавафис К. В ожидании Варваров (перевод М. Л. Гаспарова) // Иностранная литература. 2004. № 8.

сят и спекулятивный характер. Главным является то, что он сейчас упорно и плодотворно продолжает обширную работу над своими глубокими аналитическими исследованиями безгосударственности, которые в скором времени предполагает воплотить в новые интересные книги.

Библиография

1. *Кавафис К. В ожидании Варваров (перевод М. Л. Гаспарова)// Иностранная литература. 2004. № 8.*
2. *Скотт Дж. Благими намерениями государства. М.: Университетская книга, 2005.*
3. *Элиас Н. О процессе цивилизации. Т. 1–2. М., СПб.: Университетская книга, 2001.*
4. *Boserup E. The Conditions of Agricultural Growth: The Economics of Agrarian Change under Population Pressure. Chicago: Aldine; London: Allen & Unwin, 1965.*
5. *Clastres P. Society against the State. New York: Zone Books, 1987.*
6. *Guha S. Environment and Ethnicity in India, 1200–1991. Cambridge, Cambridge University Press, 1999.*
7. *Izikowitz K. G. Lamet: Hill Peasants in Indochina. Gothenburg: Ethnografiska, 1951.*
8. *Lattimore O. Studies in Frontier History. London; New York: Oxford University Press: Mouton, 1962.*
9. *Scott J. C. The Art of Not Being Governed: An Anarchist History of Upland Southeast Asia. New Haven & London: Yale University Press, 2009.*
10. *Scott J. C. Domination and the art of resistance: hidden transcripts. New Haven: Yale University Press, 1993.*
11. *Scott J. C. Weapons of the week: everyday forms of peasant resistance. New Haven: Yale University Press, 1984.*